

лал, что водку с друзьями пил... надоело! А так по лесу прошвырнись, давно на таком раздолье не был. Заодно ружьё новое деду отнесу. Да и, может, там им пригожусь...

— Батюшки святы! — запримечала бабка. — Не успел разуться, как опять из дома умотать хочешь! Да я тебя толком-то ещё и не разглядела! Не наговоришься с тобой! Что ж ты меня, старуху, опять в одиночество кидаешь? Деда нет, и ты в бега подался! Никуда не пушу! Дома сиди! Вон, штатетник на ладан дышит, картоху прополоть надо, пилёвку привезли, а наколоть некому! Колодец сыплется, укрепить надо! Вон сколь дел, а ты из дому бежишь!

— Да сделаю я тебе всё! Только уговор — после отпустишь, лады?

— Куда от тебя деться, непутёвый... отпущу...

Степан родную бабулю не обманул. Поправил штатетник в палисаднике перед домом, прополот заросшую мокрицей картошку. В удовольствии наколот дров на зиму, с хеканьем ударяя колуном по свилеватым чуркам. С помощью мужиков укрепил свод колодца, а после почистил его, извлёк из воды пару утопленных ведер. Вечером после баньки, распаренный, снова пристал к бабке:

— Бабуля! Давай, колись, куда Пахомыч подался! Я тебе всё сделал! Уговор дороже денег!

— Куда-куда... на Кудыкину гору! В Ильменский заповедник его пригласили, вроде как на консультацию...

— Ничего себе! Ближний свет! А поконкретней можно? Заповедник огромный! В какой стороне искать?

— Чё искать-то... на озере он...

— Кисегач?

— Нет. На большом Миассовом. До Миасса доедешь, найди улицу Победы, 12. Там у Матрёны спросишь, где Пахомыча искать, который вместе с её благоверным. Он у неё лесничим работает. А может, сынок её, Алёшка, если свободный будет, тебя на машине прямо на кордон и завезёт. Только ты пукалку свою дома оставь, сам знаешь, нельзя в заповедник с ружьём!

— Ружьё не оставлю. Если повезёт, можно и рядом с заповедником пошнырять. Сама говорила, много зверья стало. Вдруг косоного подстрелю или птицу какую на жарёху...

Пахомыча Степан нашёл без приключений. Старик очень обрадовался его приезду, а более всего — привезённому ружью. Обнял крепко, пристально взгляделся:

— Заматерел ты, Стёпа... Усы вон отрастил... И то, тридцать пять тебе вроде? Где работаешь сейчас? А по бабской части — утихомирился или как? — любопытствовал старик.

— Работаю в автосервисе, в Иркутске. А насчёт баб... Дед Вань, не смущай меня, — закокетничал Стёпа.

— Ага, тебя смутишь... Быстрей черёмуха покраснеет, чем ты скромником станешь. Значит, страдает бабье племя от твоей напористости до сих пор, я так понимаю...

— А, чё там! Как лезли, так и лезут. Пользуюсь, конечно, раз сами дают, но ни одна к сердцу не пришлась...

— Не встретил, значит, завнобу ещё... — констатировал дед и налил в стопарики бабкин привет — вишнёвую наливочку.

Степан выпил, послушал ещё дедовы новости, а потом с изумлением спросил:

— Пахомыч! А кто ж тебя материться отучил? Сколь себя помню, ты без матерка не разговаривал.

— Бабка твоя, кто ж ещё... Как сошлись — прямо заявила: либо про матерщину забываю, либо — до свидания! Я к Пелагее в молодости подкатывал, так она деда твоего выбрала... Сколь лет они душа в душу жили. Потом Толя-то помер, через год родители твои преставились. А как посадили тебя, Паша-то чуть руки на себя не наложила от горя... Ладно, я рядом оказался, не допустил греха... с тех пор и живём...

Почти до полуночи разговаривали два бывалых человека, объединённые неожиданным родством. Утром Стёпка засобирался на охоту.

— Ну не дело ты, парень, удумал... Зачем к волчьему логову идёшь? И я, чёрт старый, по пьяни тебе вчера всё высказал! Не ходи! — расстраивался Пахомыч, растирая

заскорузлыми пальцами отёкшие колени.

— Почему, дед? По твоим расчётам, логово километров пять, как за границу заповедника выходит. Значит, можно.

— Можно-то оно можно... Только зачем? Стая небольшая. Вожак матёрый, а волчица молодая. По всему видать, только второй год щенками обзавелась... там три поярка да щенков пять штук... кого бить будешь?

— Кого... щенков не трону, молодых тоже. Значит, либо вожака достану, либо волчицу уханькаю...

— Ну и дурак, — ухмыльнулся дед.

— Это почему?

— Да потому! Волк — зверь умный! Сколь вокруг деревушек — ни одну не потревожил! Знаем — спрашивали. Кормиться в заповедник ходят. Где косулю, где кабана завалят. Вожак и себе, и семье корм там добывает. Людей избегает. А теперь такой расклад. Вожак ухлопаешь — волчица с приплодом к людям пойдёт. Метить будет яростно. Волчицу порешишь, так без неё и волчата, и поярки передохнут, тут и вовсе труба! Потому как вожак резать всех подряд начнёт. И стада совхозовские пострадают, и люди... да и в заповеднике шороху наведёт — мало не покажется! Думай теперь, стоит ли ради баловства своего пороховую бочку поджигать?

Думал Степан недолго. Так как по натуре был он человеком добрым, открыто признал правоту старого охотника. Сошлись на том, что Стёпка просто по лесу походит, потешит душу уральским раздольем, попьёт водицы родниковой да и вернётся. Ну а если какой глупый зайчишка под заряд угодит, это дозволяется.

...Степан шёл по незнакому лесу и наслаждался. Солнцем, чистым воздухом, тишиной... Растирал в пальцах цветки зверобоя, гадал на желтоглазую ромашку, лакомился сладкой земляничкой, прижимался телом к берёзкам, а они закрывали его зелёными ветвями от ветерка, шлёпали шутя листочками по лицу...

Весь день бродил по лесу Стёпка и лишь ближе к вечеру, отдохнувший, счастливым, повернул обратно, прошёл немного и понял, что... заблудился. Изменил направление, ещё часа два, спотыкаясь в потёмках, бродил по лесу, но быстро осознал, что сбился с пути окончательно...

* * *

Дёрнуться не стал. Догадался, что где-то в окрестностях есть либо заимка, либо кордон егеря.

Надо лишь дождаться, пока живущие там люди включат электрогенератор, который своим тараканьем подкажет нужное направление. Он сел на траву, привалившись к коричневой коре корабельной сосны, закрыл глаза и стал слушать. Минут через сорок уловило левое ухо еле слышное урчание какого-то механизма. «Движок!» — безошибочно определил Стёпа. Встал, отряхнулся и направился на звук. Шёл и радостно думал, что чуть его не обманывает, ещё немного — и он выйдет к людям. Так и получилось. Ночная тьма накрыла своим одеялом задремавший лес, но на большой поляне, куда вышел Степан, стоял и светился огнями в окнах большой рубленый дом. Верховцев вошёл в гостеприимно распахнутые ворота и тут чуть не угодил в пасть огромной поджарой овчарке, что вместо приветствия захлебнулась злым, отчаянным лаем. Через минутку на освещённое крыльцо дома вышла женщина:

— Молчи, Курай! Тихо! — скомандовала собаке грудным голосом и спросила: — Кто там?

Стёпа пригляделся. Женщине было лет двадцать пять — тридцать. Гладко причёсанные волосы собраны в пучок на затылке. Открытый лоб. Острый взгляд. Губы упрямо сжаты. Под тонкой кофточкой проглядывалась пышная грудь. Длинная, почти в пол юбка скрывала ноги, но щиколотки были тонкие, барские. Кольнуло Стёпкино сердечко от такой милоты. Приглянулась ему женщина с первого взгляда. Хозяйка с крыльца не сходила, ждала. И Степан, понимая, что женщина его плохо видит, поздоровался, набзался внуком Пахомыча, пояснив, что заблудился. Жен-

щина, взметнув подол, спустилась с крыльца, прижала к ноге собаку и произнесла уже доброжелательно:

— В дом проходите. Сейчас собаку на дальний двор отведу.

Стёпа поблагодарил и поспешил войти в дом под грозное рычание сторожевого пса. На пороге комнаты он остановился. Не решился снимать грязные сапоги, зная, что потные ноги противной вонью заглушат аромат душистых трав, что были развешаны под потолком на бечёвке. Так и стоял, разглядывая убранство жилища.

Комната была большой. Посредине стоял стол, застеленный белоснежной скатертью, в простенках между окон — сервант с посудой, книжный шкаф. Дальше рядком четыре стула, между ними на маленьком столике радиоприёмник с проигрывателем — всё советского производства. По левую руку возле глухой стены — разложенный диван с пышными подушками. Над ним мерно тикали ходики, показывая, что пошли новые сутки. По правую руку — пузатая печка, рядом с ней маленький заловок с кухонной утварью. За заловком виднелся дверной проём, прикрытый тёмными шторами, ведущий, видимо, в другую комнату. На потолке в красивом красном абажуре горела лампочка. Присутствия мужчины в доме не чувствовалось. Стёпа маялся у порога, а хозяйка всё не приходила. Наконец, дверь открылась. Женщина вошла, оглядела Степана внимательно и произнесла:

— Наблудились, видать, вдоволь, ноги наломали. Давайте я вас в баньку провожу. Сегодня топила, тёплая ещё. Сполоснётеся немного. Чистые носки там есть. Не стесняйтесь. А я пока ужин соберу. Пахомыча вашего мы давно знаем и привечаем всегда.

Банька была не тёплой, а горячей. Воды вдосталь, и Стёпа стесняться не стал. Намылся до скрипа, поддал пару и нахлестался берёзовым венником до красных полос на теле. Вышел свеженький, бодрый, словно заново родился. Пока мылся, хозяйка собрала на стол. Не пожадничала, расстаралась. В центре стоял графин, видимо, с водкой. Исходило жирным потом на блюде тушёное мясо, обложенное картофелинами. В разных мисочках по кругу расположились маринované ошпа, солёные грузди, свежие огурчики и махонькие помидоры, квашенная с брусничкой капуста, плошка со сметаной стояла отдельно, рядом лежал пучок зелёного лука.

У голодного Степана заурчало в животе.

— Проходите к столу, присаживайтесь, — пригласила незваного гостя хозяйка.

— Спасибо. Уж простите, так получилось. Заблудился. Как пацан, ей-богу! — застеснялся Степан.

— Да ладно вам, всякое бывает. Кушайте, не смущайтесь, — успокоила гостя хозяйка. — Вам налить?

— Ну, если только рюмочку...

Хозяйка налила в хрустальную стопку до краёв, придвинула к Степану.

— Ну, за хлеб-соль, хозяйюшка. За знакомство. Меня Степаном зовут.

— Татьяна, — представилась женщина. Потом улынулась: — Да вы кушайте...

Стёпа залпом выпил, как он думал, водку. Ан нет, оказался крепчайший самогон. Тепло разлилось по телу, чуть зашумело в голове. Степан, чтоб не захмелеть, спешно принялся уплетать угощение. Утолив голод, откинулся на спинку стула, стал разглядывать Татьяну. Вблизи она казалась ещё краше, или это спиртное стало туманить мозг? Стёпа вдруг захотелось отблагодарить хозяйку, да как-то по-особенному. Он глянул на часы. Пять минут третьего ночи.

— Хотите, я вам свои стихи прочитаю? — спросил Стёпа.

— Хорошо. Читайте, — спокойно разрешила хозяйка, — только погромче, ладно?

И Степа с вдохновением, с чувством стал декламировать на память лирические строки, посвящённые своей первой любви...

Татьяна слушала вдумчиво и внимательно. Даже чуть подалась вперёд, когда Верховцев читал о своей боли от предательства подруги... А когда дошёл до единственного стихотворения, посвящённого ветеранам войны, в глазах Татьяны заблестели слёзы.

Более чувственного слушателя Стёпка в своей жизни не встречал. Когда стрелки показали пять утра, Татьяна встала, подошла к дивану.

— Поздно уже, Степан. Вернее, рано. Поспите часа три, а потом я вам дорогу до деревни покажу.

Стёпка вплотную подошёл к женщине. Дурная кровь тюкнула в самое темечко:

— Не уходи... Ты такая милая... красивая... не уходи...

Запульсировало в висках, от возбуждения пересохло в горле. Степан, до этого не бравший силой ни одной женщины, вдруг так возжелал Татьяну, что, будь у него на пути хоть сам Бог или сатана, преодолел бы все преграды и всё равно овладел ею. Мужчина легко уронил её на кровать, подмял под себя, стал бешено покрывать поцелуями тело, руки Татьяны зажал своими ручищами накрепко... Женщина билась под ним, но почему-то молча, лишь иногда отрывисто шептала: «Не надо...».

Стёпа распластал лёгкую кофточку, содрал юбку, рывком снял тонкие трусики. Татьяна в упор смотрела на него. «Не надо», — одними губами прошептала она и тут же выгнулась дугой, затрепетала, потому что Стёпка всё же достиг желаемого. Он брал её с силой, грубо, жадно, рычал от удовольствия и новой волны нескончаемого возбуждения, видя, как мерно колышутся её груди в такт его толчкам. Женщина лежала под ним с закрытыми глазами, с прикушенной нижней губой, лежала бревном, но Степан чувствовал, что возбуждение постепенно нарастает и в ней... В последний миг она всё же откликнулась тихим стоном...

Стёпа перевалился на спину, разжал потные ладони. Татьяна всхлинула, рывком встала, зажав в горсти разодранную кофточку, опрометью выбежала на улицу. Степан блаженствовал ещё минут пять. Встал, вытерся ещё мокрым полотенцем, что принёс из бани. Оделся. Татьяна всё не приходила. Он подошёл к столу, налил самогонки, жадно выпил, сел на стул.

«Что это со мной? — вдруг подумал он. Мысли путались. — Дурь какая-то накатилась... Зачем же я силой... надо было любовно... А я... Господи, прости! Никогда за мной такого не водилось... наваждение какое-то... А, сладка баба! Ягодка! Тут у любого крышу б снесло... пить не надо было...».

У Степана пересохло во рту, он пошарил глазами, надеясь увидеть ведро с водой, что обычно стоит рядом с печью, не нашёл и решил пройти за занавески, в другую комнату, поискать там.

Откинув шторы, Стёпа шагнул в комнату и резко остановился, вмиг облившись холодным потом, потому что на кровати, что стояла у большого окна, лежал с открытыми глазами молодой мужчина, по виду — ровесник его самого. Секунды ушли на то, чтобы мозг осмыслил увиденное. У мужчины, укрытого лёгкой простынькой по грудь, не было ни рук, ни ног. Даже малёхошной культи не виделось по бокам — руки были отрезаны по самое плечо. С ногами — такая же ситуация. Простыня горкой сбегала с бёдер, а дальше — ровное пространство.

Стёпа с ужасом осознал, что мужчина слышал всё, что происходило несколько минут назад в большой комнате...

— Прости... Я не знал... — выдавил Степан пересохшим горлом.

— Закурить дай, — вдруг попросил лежащий тоже хриплым осевшим голосом.

Стёпка бегом вернулся в зал, трясуцимися руками достал из рюкзака две сигареты. Прикурил. Вернулся обратно. Одну сигарету вставил в рот мужчине, второй затянулся сам:

— Прости, брат...

— Да ладно, — сквозь зажатую зубами сигарету проговорил мужчина. — Может, лучше так будет. Танюшка давно ребёночка хотела, а я после мины не только обрубок, ещё и евнух теперь. Верная она у меня, как собака. Подкатывались к ней, и не раз... никому не отомилось... а ты добился... Главное — никто тебя не знает, значит, и корить после некем будет. А теперь уходи. Сигарету у меня потуши и уходи...

Продолжение следует